

"Копья наготове!" — закричал капитан на десять плотно набитых веревок, преграждающих вход в закрытое помещение.

«Лучники! — крикнул он, когда тыловая линия выпустила стрелы, которые по дуге устремились в приближающуюся кавалерию. Несколько стрел безвредно упали на песок, но большая часть попала во всадника и лошадь, заставив лошадей, несущихся с головокружительной скоростью, споткнуться или просто упасть.

Падение лошади было не чем иным, как катастрофой, так как весь зверь кувыркался вперед, сокрушая всадника над собой своим весом. Не говоря уже о том, что многие всадники позади него постигла та же участь, раздавленные копытами своих союзников.

Но большинство атакующих лошадей знали, как справляться с такими инцидентами, поскольку они подталкивали своих лошадей, чтобы они перепрыгивали через мертвые и умирающие тела своих союзников, чтобы продолжить атаку.

"ДЕРЖАТЬ РЯДЫ!" — крикнул командир, и передний ряд поднял копьа. Как бы бесполезно это ни было против атаки тяжелой кавалерии, копьа пронзили коня и всадника, в то время как многие из коней ринулись прямо сквозь ряды, разбивая союзников с неистовой свирепостью.

Всадники были хорошо экипированы для атаки, с длинными копьями, глефами или металлическими алебардами. У некоторых даже были утренние звезды, связанные цепью, которыми они махали в головы своим союзникам. Ломать кости и дробить черепа.

Кавалерия прошла сквозь строй, как раскаленный нож сквозь масло, и капитан ничего не мог сделать, чтобы сдержать атаку, тем более что идеально нацеленное копье перерезало непрерывные приказы капитана, как пронзило его горло.

Другой солдат поспешил схватить не капитана, а знамя, если знамя упадет, все обречены. Тот же солдат отдал приказ, и бой продолжился.

Можно было подумать, что в битве все будут сражаться лицом к лицу, но это было далеко не так. Только задействованные солдаты могли сражаться, а остальные ждали позади них. Здесь не было места для всех, чтобы сражаться, и они могли сделать только одно: ждать, пока их товарищи умрут, прежде чем они займут их место, или вернуть их в относительную безопасность, если они слишком ранены для битвы.

А во-вторых, после напряженной секунды ожидания битва приближалась ко мне. В руке у меня был ятаган, немного тяжелый, но не доставляющий дискомфорта. Он хорошо лежал в моей руке, был сделан из низкокачественной стали, ничего не сравнимого с культиваторным оружием, но его было более чем достаточно, чтобы с относительной легкостью разрезать кожаную одежду врага, если приложить немного силы.

Другое копье пронзило ряды солдат и пронзило грудь солдата, державшего знамя, только

для того, чтобы знамя упало на землю, и если оно упадет, все закончится. И все же это проклятое знамя, как если бы оно обладало собственной противной волей, падало на меня, где я неосознанно схватил его, прежде чем оно коснулось пола.

Когда я держал знамя в руке, несколько солдат смотрели на меня, хотя их лица были как в тумане, я чувствовал их опасения, страх и неуверенность, но больше всего надежду, надежду, что я смогу вывести их из этого положения. несчастную ситуацию в невозможную победу или, по крайней мере, выживание.

"Вытащите раненых!" Я закричал, и мой голос зазвенел: «Держи строй, и любой способный лучник будет стрелять в тебя!» Я позвал, и многие последовали, утешенные командами, солдаты выстроились в шеренгу. Слабый, еле сдерживающий себя, но очередь была. И упали стрелы.

Стрелкам удалось усмирить приближающуюся кавалерию, где моя пехота быстро расправилась с чрезмерно растянутой кавалерией в наших рядах. Кавалерийская прогулка была отличной для атаки через пехоту, но против густых рядов копий и стрел кавалерия не смогла продвинуться дальше, теперь застряв среди солдат, они были убиты почти мгновенно. У всадника было преимущество в росте среди группы солдат, но даже если он мог отбиться от одного или двух, когда у вас есть полдюжины солдат, окружающих вашу лошадь, вас обязательно проткнут.

А поскольку стрелы все еще летели по приближающимся всадникам, которые отчаянно пытались пополнить свою перенапряженную кавалерию, приблизиться было практически невозможно. Плотное ограждение гарантировало, что каждая лошадь, сраженная стрелами, будет препятствием для последующих лошадей, еще больше мешая любой кавалерии пополнить свои передовые позиции. И с этим остальная кавалерия была вынуждена отступить, обрекая тех немногих, кто бросился вперед на армию.

Маленькая победа и заслуженный отдых для моих солдат, когда они быстро расправятся с несколькими всадниками, находившимися в их рядах. Но это не повод устраивать праздник. Так как вдалеке виднелась еще одна группа марширующих солдат, тяжелой пехоты, идущих прямо по пескам пустыни, жарким и невыносимым, эти солдаты все еще боролись с палящим зноем в своих доспехах.

В тот момент, когда они доберутся сюда, нас будет ждать чуть ли не поражение.

"Спасаться бегством!" — закричал я, получив ошеломленную реакцию от всех. Но это было лучшее действие, которое я мог придумать, ожидание здесь ничего не значило бы, мы будем убиты до последнего в тот момент, когда враг приблизится к нам.

"Спасаться бегством!" Крикнул я ещё раз, и солдаты, наконец, развернулись и побежали.

— Вы, — позвал я и начал указывать на нескольких солдат, которые были почти на полпути, они перестали смотреть на меня, и я даже почувствовал беспомощность в их глазах.

"Подожгите лагерь и палатки, это должно выиграть время для побега, делайте это быстро и бегите так быстро, как только можете", - крикнул я и двинулся вперед, у меня не было возможности взять одну из вражеских лошадей, так как Я не умел ездить на нем, а даже если бы и знал, лучше бы мне не ездить на боевом коне, потерявшем хозяина, чтобы не хотеть сломанной спины и грубого копья в грудь, как только кто-нибудь найдет мое тело и смеется над тем, как глупо я пытался угнать боевого коня.

"НЕ БЕГАЙТЕ!" Я крикнул, и все остановились: «Не мчитесь как бешенные сохраняйте темп!» Я позвал, и остальная часть армии двинулась с большой, но не такой быстрой скоростью. Почти как кувшин, это было и для того, чтобы держать их в тепле, даже если погода в этой пустыне довела их до изнеможения, и для того, чтобы держать свои тела готовыми к битве, иначе пот охладит их и вызовет еще большее истощение. и неготовность к бою.

Разбитые палатки, к счастью, были плотно упакованы, и когда мои солдаты подожгли их, они загорелись, как комок сухого сена под палящим летним солнцем.

Поднялся дым, и огонь осветил лагерь, на несколько мгновений защитив нас от нападения. Пламя помогло отпугнуть лошадей, так как даже боевой конь не был достаточно храбр, чтобы броситься через него, и было достаточно жарко, чтобы даже тяжелобронированные солдаты могли попытаться пройти, их единственный выход был ждать, и мы не собирались ждать их.

Мы двигались пешком в течение долгих трудных часов, без врага позади нас, поскольку путь удлинялся и расширялся вперед, к счастью, эта долина была достаточно широкой, чтобы позволить нашей армии двигаться, но извилистая и с достаточным количеством препятствий, чтобы остановить любую из вражеских лошадей. чтобы перейти в полный спринт. Мы продолжали двигаться, а моя группа двигалась со скоростью, равной половине бега.

Какой-то мужчина передал мне свой бурдюк, и я был благодарен, потому что у меня было сверхчеловеческое пересыхание, я сделал глоток, сполоснув свое почти хрупкое горло, и передал бурдюк другому человеку.

У нас не было шансов выжить против врага, но убежать мы можем, если нам повезет. Единственная проблема заключалась в том, есть ли конец этой долине или простирается ли она до вечности.

Разведчик, первым настороживший нас к врагу, снова прибежал: «Двигайтесь! Мы уже близко к концу долины, там поджидают свои!»

Надеюсь, хорошо, это поднимет мораль, но мне не понравилось, что почти все солдаты побежали еще быстрее: "Держи свой чертов темп!" Я закричал, последнее, что я хотел для них, это изнурить себя до того, как они дойдут до конца, только для того, чтобы враг нашел слабую измученную добычу, которую можно было выбрать.

Товарищеские схватки, о которых сказал разведчик, были бы весьма кстати, сдерживая нас, но я тут же выбросил эту мысль из головы. В пещере было достаточно тесно с моими солдатами, было бы самоубийством добавлять еще больше к этой смертельной ловушке.

Словно противник знал о затаившихся товарищах, я услышал громоподобный стук копыт позади нас. Хотя все еще далеко, им потребуется меньше дюжины минут, чтобы добраться до нас.

Как я могу помешать врагу косить нас до последнего? Тем более, что войска были так близко к выходу.

Веревка! Мне нужна веревка!

"Веревка!" Я позвал, и двое солдат подошли ко мне с ней, даже не имея возможности видеть выражение их лиц, я могу поспорить, что у них были недоуменные выражения относительно того, что я буду делать с веревкой.

Я взял веревку и привязал ее к выступающему камню, а затем пробежал весь путь до другой стороны долины и привязал ее к другому выступу, убедившись, что она хорошо закреплена и затянута. Я продолжил движение вперед, это стоило мне нескольких драгоценных секунд, но идея была проста для понимания. Остальная свита немедленно сделала то же самое, по возможности привязывая веревку к камням и выступам, пока мы продолжали идти.

Несколько отважных воинов даже взяли свои копья и побежали за нами, чтобы обеспечить дорогу остальным ценой собственной жизни.

Я не мог отступить и помочь им, даже если бы часть меня захотела, но более крупная трусливая, но прагматичная часть советовала иначе, этим солдатам нужен кто-то, кто выведет их, и если я упаду... я не хочу думать об этом.

Звук падающих лошадей вскоре раздался позади нас, это было нехорошо. Это означало, что враг был гораздо ближе, чем я предполагал, и он шел по пятам за нами. Тем не менее, спасибо могущественным за то, что они улыбнулись нам, как был выход из долины, я вижу. Это было и облегчением, и в то же время доказательством неукротимой воли солдат, поскольку еще больше солдат решило встать и оставить раненых бежать, чтобы они могли сдержать врага.

Товарищеские были за пределами долины, но нас выкосят до последнего, если мы выйдем прямо сейчас. Солдаты знали это и решили пожертвовать своими жизнями, чтобы остальные сбежали. Я никогда не знал их, никогда не проводил с ними больше, чем эти несколько часов, но чувствовал чувство сопричастности, видя, как люди отдают свои жизни за оставшееся время.

Этого самоотверженного поступка было достаточно, чтобы мурашки побежали по моей спине, я не могу это объяснить, но этого было достаточно, чтобы я стоял на своем. Я передал

знамя одному из солдат: «Держите их в движении!» Я воззвал и обнажил свой меч.

Как глупо, как бесполезно рисковать своей жизнью, чтобы остальные сбежали, но в то же время это казалось правильным. Это то, что было сказано в книге, и это то, чего я буду придерживаться. Это было правильно! И если это кажется правильным, то это определенно правильно.

Независимо от шансов. Я буду бороться. Даже если он старый и немощный. Нет, я не стар, не здесь, не сейчас, я человек молодой, солдат. И даже если бы у меня не было чувства привязанности к этим солдатам, было чувство принадлежности и товарищества, которое я не могу объяснить, и было бы неправильно бросать людей, которые самоотверженно жертвуют своей жизнью ради остальных, без того, чтобы я сделал то же самое.

Вопреки моему прагматическому «я», вопреки любому здравому смыслу самосохранения, мне казалось правильным стоять здесь, с этими несколькими дюжинами героев, мне казалось правильным умереть здесь. Потому что иначе никто бы не сбежал. И в этот момент я забыл, что нахожусь на испытании, и тут же исчезло облако над лицами солдат рядом со мной.

У большинства из них были выражения мрачной решимости. Никто не был трусом, никто не считал себя героем за то, что он делает, все они знали, что их друзья и товарищи полагались на них, чтобы выжить, и они чертовски уверены, что это произойдет.

Хотя я не был здесь в течение долгого времени, мне показалось правильным сказать: «Для меня было честью служить с вами».

Тут же к нам подошла вражеская кавалерия.

<http://tl.rulate.ru/book/105893/4322024>